

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 52

1990

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

PRO DOMO SUA

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 52

Издается с января 1925 года

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

PRO DOMO SUA

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1990

СИНЯЯ ПАПКА

Автор не надеялся увидеть эти стихи напечатанными при жизни. Для чего же, спрашивается, он писал их? Ответ прост: он не мог их не писать. Они были отдушиной, необходимостью, потребностью души, ее криком. Только самые близкие люди знали отдельные строки из так называемой «синей папки».

Жизнелюб, спортсмен-борец, путешественник, зверолов, Илья Сельвинский был бесстрашным человеком. Вырвавшись в середине двадцатых годов на поэтическую арену, он в дальнейшем, примерно с 1928 года, стал предметом издевок, проработок, изощренной экзекуции казенной критики.

В день отступления из Керчи (12 мая 1942 года) поэт пишет стихотворение «России». Оно облетело все фронты, ободряя, вселяя веру в победу («Убить Россию — это значит отнять надежду у Земли»).

В 1942 году в Керчи Илья Сельвинский пишет стихотворение «Я это видел!». Оно также разошлось по всем фронтам, произвело сильное впечатление и в тылу. В специальном выступлении по радио Геббельс «пригрозил веревкой» поэту-фронтовику. Поэт написал «Ответ Геббельсу».

На фронте Илья Сельвинский показал личную храбрость, презрение к смерти, написал много доселе не утративших силы и красоты стихотворений. После участия в одной из конных атак за проявленное мужество поэт был награжден орденом Красного Знамени, а позже еще одним орденом.

16 ноября 1943 года пришла радиограмма: Сельвинского вызывают в Москву. Провожали с радостью — думали о новой награде. Летел на крыльях... В дневнике Сельвинский записал:

«Заседание Оргбюро ЦК вел Маленков. «Кто этот урод?» — металлическим голосом спросил он. (Напомню: в стихотворении «России» есть строки: «Сама как русская природа, душа народа моего — она пригреет и уroda, как птицу выходит

его...» — Л. О.). Я начал было объяснять ему смысл этого четверостишия, но он меня перебил: «Вы тут нам бабки не заколачивайте. Скажите прямо и откровенно: кто этот урод? Кого именно имели вы в виду? Имя?» «Я имел в виду юродивых». «Неправда! Умел воровать, умей и ответ держать!» Вдруг я понял, что здесь имеют в виду Сталина: лицо его изрыто оспой, мол, русский народ пригрел урода...

Неизвестно как и откуда в комнате появился Сталин. Неся, как обычно, одну руку в полусогнутом состоянии, точно она висела на перевязи, он подошел к Маленкову и стал тихо о чем-то с ним разговаривать. Насколько я мог судить, речь шла не обо мне. Затем Сталин отошел от Маленкова, собираясь, видимо, возвратиться к себе, и тут взглянул на меня: «С этим человеком нужно обращаться бережно — его очень любили Троцкий и Бухарин...»

Я понял, что тону. Сталин уже удалялся. «Товарищ Сталин! — заторопился я ему вдогонку. — В период борьбы с троцкизмом я еще был беспартийным и ничего в политике не понимал. Сталин остановился и воззрился на меня напряженным взглядом. Затем подошел к Маленкову, дотронулся ребром ладони до его руки и сказал: «Поговорите с ним хорошенько: надо... спасти человека».

Сталин ушел в какую-то незаметную дверь, и все провожали его глазами. Маленков снова обратился ко мне: «Ну, вы видите, как расценивает вас товарищ Сталин! Он считает вас совершенно недостаточно выдержанным ленинцем». «Да, но товарищ Сталин сказал, что меня надо спасти». Эта фраза вызвала такой гомерический хохот, что теперь уже невозможно было всерьез говорить о моем «Преступлении». Возвратился домой совершенно разбитым: на Орбеуро я шел молодым человеком, а вышел оттуда — дряхлым стариком. Боже мой! И эти люди руководят нашей культурой».

1946 год. Строгий окрик Маленкова в адрес ленинградских журналов: «Сельвинского пригрели!»

В том же году на одном из заседаний ЦК Жданов, жестоко критикуя Ахматову и Зощенко, приплюсовал к ним и Илью Сельвинского.

Из стенограммы, напечатанной в газете «Известия»: «Жданов (продолжает): — Журнал «Ленинград» печатает слабый материал. Вот поэт Сельвинский в сожженном Севастополе не видит ничего... кроме одной женщины... Сталин: — Материалу не хватает...»

После таких реплик кто посмеет напечатать Сельвинского или сказать о нем доброе слово?. Если же обратиться к стихотворению «Севастополь» (книга «Крым, Кавказ, Кубань»), то станет ясно, что Жданов и Сталин не удосужились прочитать его до конца.

Написанное в 1944 году стихотворение говорит о том, как 19-летний поэт в пору гражданской войны сидел в севастопольской тюрьме и по выходе из нее увидел возлюбленное море, говорит о девушке, принявшей юношу, которому она понравилась, за ничего и снувшей ему в руку «керенку». Это стихотворение — воспоминание человека, прошедшего с боями по родным местам, человека, понявшего, что «лирика и родина — одно».

1949 год. «Культура и жизнь» объявляет поэзию Ильи Сельвинского космополитической и антипартийной. Уже готовый набор объемистого сборника рассыпается. Каждую ночь Илья Сельвинский с женой ждут ареста. Поэт и его поэзия блокированы.

Существует распространяемая недругами поэта версия о его благополучии, о якобы комфортном существовании. Нет ничего более лживого и вздорного, чем эта версия.

Все произведения Ильи Сельвинского доходили до читателя с невероятным опозданием: «Я существую в советской литературе очень рано и все же... в порядке исключения. Начиная с первых моих стихотворений меня печатали со скрипом... «Читая «Фауста» пролежало в портфеле 8 лет. Еще больше «Арктика». Должен был умереть Сталин, чтобы эти вещи были изданы. Сейчас то же происходит с эпикей «Три богатыря», — записал Сельвинский в дневник в 1961 году.

Все это говорится для того, чтобы читатель понял: судить о жизни и творчестве Ильи Сельвинского еще рано. Только сейчас, образно говоря, замороженная глыба творческого наследия начинает оттаивать для читателя. Не это ли дало право поэту в 1958 году воскликнуть:

*Дни мои — только качуны.
Время мое — в грядущем!*

Илья Сельвинский разделяет участь некоторых своих современников, ныне получающих запоздалый выход к читателю. Так, после тридцати пяти лет безрезультатных попыток издания, вышла в 1990 году эпопея «Три богатыря».

Он, Илья Сельвинский, не был эзком, не был лагерником, но он прошел все круги ада, и сердце его надорвалось и не выдержало.

Удары приходились не только по автору стихов и поэм, но и по его читателям. Отголоски этих ударов слышны в лежащей перед читателем книге. Автор назвал ее старинным латинским присловием «Pro domo sua» — «В защиту моего (своего) дома», обычно употребляется в смысле: о себе, о своих личных обстоятельствах, в своих собственных интересах, в свою защиту, для себя, для домашнего потребления. В послевоенные годы, однако, поэт делал попытки отдельные стихотворения этой книги предлагать раз-

ным редакциям. Ему неизменно возвращали их или таинственно теряли. И поэт стал смотреть на эти стихи, как на письмо, закуренное в бутылке и брошенное в океан времени: а вдруг волны вынесут эту бутылку на берег будущего?

Самое раннее из стихотворений этого цикла помечено 1931-м, самое позднее — 1964 годом.

Илья Львович Сельвинский родился в октябре 1899 года в Симферополе. Теплое дыхание Крыма ощущается в его поэзии, к которой он пристрастился рано и самозавенно.

Вот перечень некоторых событий жизни поэта. 1918 год. Будучи гимназистом — боец Красной гвардии: Перекоп. Будучи студентом, сидел в севастопольской тюрьме при Врангеле, в симферопольской при Слащеве. Были специальности: юнга на икхуне «Св. Апостол Павел», грузчик, натурщик в художественных студиях, репортер уголовной хроники в газете «Крымская почта», актер бродячего театра «Гротеск», борец в цирке под именем Лурих III, сын Луриха I, сельскохозяйственный рабочий в немецкой колонии, инструктор плавания, сварщик на электростанции, особоуполномоченный «Союзпушмины» на Камчатке, специальный корреспондент «Правды» на борту «Челюскина» в экспедиции О. Ю. Шмидта, участник похода с чукчами на собаках по льдам Ледовитого океана и чукотской тундре до бухты Провидения и, наконец, руководитель семинара на Высших литературных курсах, преподаватель теории стиха в Литературном институте. Со своими студентами уходит на фронт. В 1941—1945 годах — Крымский, Кавказский, 2-й Прибалтийский фронты. Батальонный комиссар, затем подполковник.

В рабочей комнате Сельвинского всегда висел пейзаж, изображающий Коктебель. На пейзаже надпись: «Илье Сельвинскому, поэту-оркестру». Пейзаж и надпись принадлежат Максимилиану Волошину.

В стихах, поэмах, стихотворных драмах Ильи Сельвинского читатель найдет верификационное разнообразие воистину энциклопедического типа: от традиционного четырехстопного ямба до верлибра, от паузника до тактовика (или тактометра). Выбор того или иного стиха зависел не от прихоти автора или склонности к острой новизне, а от художественных особенностей задуманного и воплощаемого произведения. Добиться новизны поэт мог благодаря освоенной традиции русского стиха, что давало ему право на дерзость, на разрыв с традицией. Но, как показывает история поэзии, сама верификационная традиция была заинтересована в этом разрыве с ней, в этом ее обновлении.

Для Сельвинского был характерен постоянный поиск. Выход книги или публикация в периодической прессе не были для поэта чертой, за которой завершалась работа над текстами. Переписа-

ны и исправлены «Улялаевичина», «Записки поэта», «Пушторг», «Командарм-2», многие поэмы и стихотворения. Это говорило о беспокойстве мастера, о желании поэта совершенствовать свои творения до последних дней жизни.

В одном из стихотворений «Синей папки», помеченном 1937 годом, читаем:

*Если не выскажусь — задохнусь,
И вот кричу... закусив подушку.*

Этот крик слышится нам через годы более чем полувековой давности. Никакие подушки, никакие глушители не могут заставить нас не слушать этот крик. Из горла поэта, из души его исторгаются эти бедственные сигналы. Поэзия свято выполняет свой долг связывать времена и поколения.

Лев ОЗЕРОВ

PRO DOMO SUA

«Каждый спасает свою душу, как может...»

(А. Франс)

Большинство этих стихов я аккуратно носил по журналам, но так же аккуратно отовсюду их возвращали. Не моя вина, что накопился целый сборник. Ну что ж — каждое правительство достойно своей литературы.

ТЕТРАДКА

Опять, как в детстве, тетрадка...
И, загнанный в три шеи,
Вношу я в нее украдкой
Горькие думы свои;

Записываю без надежды
В печати увидеть ее.
О возраст мой хрупкий и нежный,
Ох, старое детство мое...

Но песенка наша не спета!
Ко мне, мое волшебство,
Живой магнетизм поэта,
Проклятая доля его!

ВЕЧНЫЙ БОЙ

Он сам себя смирял, становясь
На горло собственной песне,
Храня со смертью тайную связь,
Как яд в заветном перстне.

Но муза не только ведь окна РОСТА
Хотя б и окопы рыла;
Смиренье — сомнительное геройство:
Народу нужны барабан и лира.

Вы скажете: «Барабан полезней».
Но мы задохнемся в идее запрета...
Не наступать на горло песне —
Вот в чем подвиг поэта!

1931

* * *

В каком бы часу я ни лег, но в пять
Глаза открываются сами,
И горло забито опять и опять
Смерзшимися слезами...

Дрейфующий хаос угрюмых обид,
Ходячая ртуть унижений...
И пробуешь вслух, как будто навзрыд,
Глотательные движенья,

Но все торчат (или силы не те?)
Углы несъедобной боли.
Черным крестом лежишь в темноте,
Словно могила в поле.

1932

ПРЕЛЮД

Когда-нибудь о нашем веке
Потомок скажет: «В этот век
Поймал, как молнию навеки,
Стихию слова человек.
И он по линиям и клеткам,
Как ток, пустил его крыла!
Оно служило пятилеткам,
Творя великие дела,
Оно тащило мир из праха,
Преобразуя естество!

Лишь музы плакали от страха
Перед могуществом его».

1937

БЫТ

Мы отвыкли мыслить, и для нас
Каждая своя мыслишка — ересь.
Мыслить мы отвыкли, не чинясь,
Чинопочитанию доверясь;
Ум живет на медные гроши...
Где ж ты, ясновиденье? прозренье?
Только и осталось от души,
Что невыявимое презренье.

1937

ШЕПОТ

Эпичен наш XX век!
Мы все орём, гремим, грохочем...
Не оттого ли, между прочим,
Бесстрастны мы к тому, что сказано при всех?
Но нет могущественней в мире
Словца, вспорхнувшего исподтишка —
Шепни соседу: «Дважды два — четыре».
И мигом сцапают в ЧК.

1937

ЭЛЕГИЯ

Нынче стих —
 готовый бланк:
Не свое мы
 говорим.
Ах, друзья!
 Иду ва-банк:
Либо Крым,
 либо Нарым!

1937

ТАЙНА ПАРИЖА

Париж красив. Но ведь красив и Рим.
Он весел. Но — оживлена и Вена.
За что же мы его боготворим,
Уж если признаваться откровенно?
Где то волшебное зерно,
Что нашу братию влечет к нему так мощно?

В Париже можно всё, что и запрещено,
В Москве же всё запрещено, что можно.

1937

ЛИТ-ПОЛИТИКА

Стол.
Стул.
Стиль —

испокон

Поэт умещался в таком натюрморте.
Но как уложиться

в нижеследующий закон:

«От каждого по способностям — каждому по морде?»

1937

* * *

Если не выскажусь — задохнусь!
Днем сокровенное — в угол под лавку,
Ночью проснешься и слушаешь Русь:
Каждую жилкой каждую травку.

Сосны шумят, будто поезд идет.
Поле кого-то шурша утешает.
Столб телеграфный — и тот поет,
Проволока — и та вещает!
Форточка каркает. Ноет гнус.

Лишь я
 свою душу
 молотом в плюшку!
Если не выскажусь — задохнусь!
И вот кричу... закусив подушку.

1937

* * *

Нас много, одиноких. По ночам
Мы просыпаемся и шарим спички,
Закуриваем. Стонем по привычке
И мыслим о начале всех начал.

В окошко бьются листья золотые.
Они в гербах и датах. Полночь бьет.
А мы всё курим, полные забот.
Нас много, одиноких. Вся Россия.

1937

ОДА ПРАВОЙ РУКЕ

Ты можешь все, о правая рука!—
На кормовом весле прорезать Волгу,
Бить молотом,
 стреножить бирюка
И даже нитку протащить в иголку.

Ты можешь вскинуть знамя: «Газават!»
Одеть любовь поэмой, как оправой...
Не научилась лишь... голосовать—
И тут-то, правая, ты не бываешь правой.

1937

* * *

Мы ликуем: техника у нас,
Трактора, комбайны, самолеты;
Что ни день, то новые подсчеты
Громогласно объявляет ТАСС.

Но хоть дело во, брат! На большой!
Веры нет железной истерии...
Черта ли мне в нашей индустрии—
Что вы сделали с моей душой?!

1948

* * *

Нет! опаснее! вещи!
Чем так называемый ум:
Он всегда раздражается, вечно
Поднимает в народе шум.

К чему ж бюрократской касте
Такому кадить выдвигенцу?
Россия при всякой власти
Истребляет свою интеллигенцию.

1949

* * *

Нас приучали думать по ниточке.
Это считалось мировоззреньем:
Слепые вожди боялись панически
Всякого обладавшего зреньем.

В нас подавляли малейший выкрик,
Чистили мозг железными щетками,
О мыслях думали, как о тиграх,
А тигры обязаны быть за решетками.

Вывод этот не лишен логики.
Но как удушье выдержат легкие?

1949

И ВДРУГ ОДНАЖДЫ...

Нам говорят: «Интеллигенты!
Довольно старой жить легендой
О том, что личность, так сказать,

В ее жемчужных переливах
Оскудевает в коллективах,
Теряя блеск за пядью пядь.
Из пут право-левацких линий
Вперед к народной дисциплине!»

И мы из кожи лезли вон,
На идеал равняясь некий,
Чтоб вытравить в себе навеки
Свободы золотистый сон...
Уподобляясь холоум,
Считали мозг за сумасброда,
И слово самое — «свобода» —
Мещанством отдавало нам.

И вдруг однажды на войне,
Живя бок о бок год за годом
С низами, массаами, народом,
С которым гибли наравне,
Мы поняли, что нет проблем
Меж личностью и коллективом,
Что эта ложь потребна тем
Правителям властолюбивым,
Которые, всю жизнь свою
О время стукаясь лбами,
Способны править лишь столбами
В дисциплинарном их строю.

1950

* * *

Не говори ты мне, старина,
Хвост поджав и смущенно халтура,
Будто свободная наша страна
Связана только в литературе.

Литература не просто струна,
Что нам завещал по наследству прадед:
Если поэзию лихорадит,
Значит недомогает страна!

1950

СОНЕТ

А я любя был глуп и нем.

Пушкин.

Душевные страдания, как гамма:
У каждого из них своя струна.
Обида подымается до гама,
До граянья, не знающего сна;

Глубинным стоном отзовется драма,
Где родина, отечество, страна;
А как зудит раскаянье упрямо!
А ревность? М-м... Как эта боль страшна.

Но есть одно беззвучное страданье,
Которое ужасней всех других:
Клинически оно — рефлекс глотанья,

Когда слова уже горят в гортани,
Дымятся, рвутся в брызгах огневых,
Но ты не смеешь и... глотаешь их.

1951

В ЧАСЫ БЕССОННИЦЫ

Спит девчурка. Деловито спит.
Спит до новых синяков и ссадин.
Спит жена и носиком сопит:
Милая, она устала за-день.

Я ж устал не за-день, а за век,
За тысячелетье! Боже, Боже...
Вспоминаю вереницу вех
И боюсь, боюсь их подытожить.

Ах, Россия, горе ты мое!
Для того ли Пугачев и Разин,
Чтоб тебя облапило хамье
На идейно-философской базе?

Ленин поднимался для того ль,
Чтобы наглые «Чего-Извольте»
Миллионы человеческих воль
Превращали в человеко-вольты,

И, как древле, снова и опять,
В хомутища загоняя выи,
С лозунгом «тащить и не пущать»
Воцарялися городовые?

Кто он, нынешний городской?
Это человечина с дипломом!
Пас он в детстве яловку за домом,
Эхо оклика под горой.

А потом попал в номенклатуру,
Эту книгу голубых имен,
Растерял крестьянскую натуру,
Чинопочитаньем умилен —

Что ему теперь в твоей Коммуне?
Что ему родимый дол,
Если вылезши из темной клуни,
В анфиладу светлую вошел?

Будет ли ему в Коммуне лучше?
Станет ли вольготней для родни?
Что он там такое заполучит,
Без чего бытует в эти дни?

Пусть рабочему мала зарплата,
Пусть крестьянин даже недоест,
Служащий в приглаженных заплатах
Пусть застенчиво плетется в трест,

Пусть за неудачей неудача,
Пусть в него стреляет анекдот —
Перед хамом главная задача,
Чтобы шло все так же, как идет.

Чтоб навек одни и те же люди
Были руководству суждены,
Самосудом сбивши правосудье,
Начихав на мнение страны,

Чтобы тишина в полнейшей мере
Под волшебным заклинанием: «пли!»
Чтобы ханжество и лицемерье
Нашу конституцию блюли...

Слушай, хам в нейлоновых кальсонах,
Лже-партиец, нео-дворянин!
Эти мысли в полночах бессонных
Я переживаю не один.

Так задумайся и ты немного,
Хоть на миг наморщив гладкий лоб:
Низовые массы даже в Бога
Веруют, покуда верит поп.

К дьяволу ж плакаты да парады!
В душу ясновиденье направь...
Ах, Россия, край великой правды
В мириадах маленьких неправд.

1952

* * *

О, милая моя среда,
Где терпят и не плачут,
Где гений вспыхнет иногда,
Но ничего не значит,
Где быть властительницей дум
Имеет право тупость,
Где трусость выдают за ум,
А прямоту — за глупость.

1952

* * *

Нет, я не Дон Жуан,
Меня в жуирстве упрекать излишне.

Есть в нашей жизни маленький изъян:
Ей, матушке, не требуется личность.

Пушай в титаны вымахнет твой дух
И мысль каждая горит как бы в алмазе,
Дух времени сегодня, милый друг,—
Субординация и связь.

Мир леденеет. Упованье? Вера?
Слова, слова... Мы холодом сильны.
С измученной Земли сползает атмосфера,
Как некогда с Луны.

Но чем дышать? Казенщиной поэм?
Стандартом ли картин да статуй?
И бродит человек с древнейшею цитатой:
«Кому печаль мою повьм?»

Кому живое выдать на поруки,
Пока не вымерзли небесные тела?

К вискам я прижимаю ваши руки
С остатками вселенского тепла.

1952

* * *

Куда ни пойду — преграда,
Где ни ступлю — запрет.
Сердце возьмите!
— «Не надо».
Душу мою!
— «Нет».

Но есть и в ядах лекарство:
Мы горечь поэзии пьем.
А скучно, когда государство
Идет на дуэль с муравьем.

Но Время на лире играет,
Лиризму неведом крах:
Правительства отмирают,
Поэт воскресает в веках.

1952

* * *

Для меня рублишко не задача,
Скажем откровенно: не бобыль.
У меня литфондовская дача,
Телевизор и автомобиль.
Захочу — могу в кабину сесть
И проехаться Москва — Магеста.
Всё на свете, дорогие, есть!
Только нет на мне живого места.

1952

ВЕСНА 1956

(После XX съезда)

Революция! Распинали тебя,
Разъедали тебя, распивали тебя,
Матом благим распевали тебя...

То ладаном вдруг обкурят, а то
Желчью протравят знамя,
Но тебя перекрасить не в силах никто
Ни враг, ни друг, ни даже мы сами.

МОЯ ЖИЗНЬ В ИСКУССТВЕ

Вынули кита из океана,
Подали ему стакан воды,
Говорят: «Купайся!»
Что ж. Лады.
Только б новой не нажить беды:
Господи... Не кокнуть бы стакана...

1956

ОТЧАЯНЬЕ

Еще о тридцатом годе
Я на глазах седел.

Отчего бы? Ведь ни при Ягоде,
Ни при Берии я не сидел.

Но засел мой любимый читатель,
Унеся мою славу в склеп,
И брожу я подобно цитате
Из кровавой книги судеб.

Год прошел и другой, и третий...
Голос тот же — но отзыва нет.
Грандиознее всех трагедий
Привиденьем живущий поэт.

Прохожу через галочий рынок,
Им уже не вернуться домой.
Ты как древний Акрополь в руинах,
О казненный читатель мой!

Среди новых брожу поселений:
Балалайка с притопом да свист.
Сколько нужно еще поколений,
Чтобы снова созрел «сельвинист»?

1956

СОВЕТСКАЯ СКАЗОЧКА

Посадили дедку за репку,
Бабку за дедку,
Внучку за бабу,
Жучку за внучку,
Кошку за жучку —
Таскали, тянули,
Семнадцать лет протянули.

Выпустили дедку,
Сделали отметку:
«Ни в чем не виновен».

А у дедки ни дровен,
Ни грабель, ни цапки
А у дедки ни бабки,
А у дедки ни внучки,
Ни кошки, ни жучки.

— Ну, и что? — сказал дед:
Ну, семнадцать лет,
Ну, разбили очки,
Ну, сыграл в дурачки.

— Ничего! — сказал дед:
Вернусь в университет.

Вернулся в Москву,
Стоит наяву.
Все ему рады,
Целуют крепко:

— Милости просим!
Занимайтесь репкой.

1956

В ЛЕНИНСКО-СТАЛИНСКОМ МАВЗОЛЕЕ

Войдешь —
и огромные мысли рванутся,
И от волнения
в горле шар:
В двух саркофагах
сны революции —
Греза ее
и ее кошмар.

1956

БАЛЛАДА XX ВЕКА

Над кладбищем алмазная звезда.
Под нею спят могилки в три ряда,
И сторож путь нашаривает палкой
И шамкает кургашкам средь травы:

— Вы реабилитированы, Галкин!
Шмидт, реабилитированы вы!

1956

ПОРТРЕТ МОЕГО СОВРЕМЕННОКА

Просидел в тюрьме семнадцать лет.
На лице грибы, прожилки, нити...
А потом позвали в кабинет:
— Недоразуменье. Извините.

И пошел советский гражданин
С абсолютно чистой анкетой,
А семнадцать выпавших годин
Затерялись, расплылись где-то...

Сел он в поезд. Солнце на траве.
Едет умирать куда-то в Сызрань.

Так мы и жили.
Это был век
Варварства раннего социализма.

1956

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ

Был удав моим председателем,
Был зайчишка моим издателем,
Зато критиком был медведь!

Чтобы быть советским писателем,
Бо-ольшое здар-ровье надо иметь.

1956

В МИНУТУ ОТЧАЯНИЯ

Как жутко в нашей стороне...
Здесь только ябеде привольно.
Здесь даже воля всей стране
Дается по команде: «Вольно!»

1957

К ПОЭТАМ!

Ты вечно в бою, новатор-народ,
В упрямых поисках ты.
А взглянешь на стих —
Край святой нищеты.

опять недород,

Всех громче чирикают, как посмотрю,
 Стайки сереньких птах.
 По «Новому миру», по «Октябрю»
 Муза ходит в лаптях...

И кажется — пред тобою мир
После атомной войны:
«Гамлета» не писал Шекспир,
«Фауста» не слышал эфир,
Не было гейневских сатир —
И нет ни на ком вины.

Напротив: радуются! «Не для масс
Сия философская сыть.
Народную толщу нужно сейчас
Манной кашей кормить!»

И кормят. И все довольны вполне.
Но можно ль сказать наперед,
Так ли уж рад голубой пелене
Сам товарищ Народ?

Нет, не поверю! Народ — герой,
Наследник великих культур,
Не этот колхозник, не тот горновой,
Не этот вот штукатур:

Народ — история всех эпох,
Творчество всех времен,
И хоть
его же создание — Бог,
Но Бог — это он.

Достойны ли наши чернила его?
Чем помогаем ему?
Руку набив, накопив мастерство,
Даем ли выход уму?

Крича о борениях света и тьмы,
Фырча на «поэзию грез»,
Какие проблемы поставили мы?
Какой разрешили вопрос?

Да и какое решение дашь,
Если давненько для нас
Красный редакторский карандаш
Страшной равнодушия масс?

Отсюда в поэзии робкая статья,
И только о том и орем,
Кому из нас председателем статья,
Кому секретарем,

А там уж, как на крылатом коне,
Летим на палочке вскачь:
— Бессмертие — дескать, положено мне,
Ибо я — помзамнач.

Поэт! Раба в себе обуздай,
Дыши озоном планет.
Любовь народа — твоя звезда,
Высшего ордена нет.

В Коммуну эпоху свою торопя,
Не спрашивай: «Где тут брод?»
И пусть редактор боится тебя,
Ибо ты сам — народ!

1958

МЕРТВЫЙ ХВАТАЕТ ЖИВОГО

Когда взлетают на воздух
Часовни, дубы да мосты,
На кладбищах и погостах
Всплывают мертвецы.
Почившие в Господе-Богe
Вздывают пыль и грязь...

Бывают такие эпохи
И в жизни больших государств.
Воют подземные трубы,
Земля гудит от копров,
И тут покидают трупы
Свой трехаршинный ров.

Смущая благодным ликом,
Подножку ставя живым,
Идут они к стройкам великим
Всем миром усопшим своим.
Ах, что им стропило да свая!
В коллегиях только б сидеть,
Гнилье своих жил выдавая
За чувства новых сердец.

Их много, оплывших, разбухших,
Напившихся яду в гробах,
Подъятых ударами пушек
Чудовищ в посмертных горбах.
Здесь кости менялись местами,
Здесь когти в глазницах нагих,
Ни дум, ни слез, ни мечтаний —
Лишь зависть к дыханью у них.
Не эта ли душная злоба
К любой живинке в любом
Подбросила мертвых из гроба
С ударом копров или бомб?

Подмигивая друг другу
И друг за дружку держась,
Блюдут они свято поруку,
Внедряя смердящую грязь.
От затхлости стонет округа,
Но мщеньем увлечены
Покойнички славят друг друга,
Даря друг дружке чины —
И сомкнутыми чередами
В смиреньи овечьих стад
Пред мертвыми черепами
Живые болваны стоят.

1958

ANDANTE

Живу, живу, а в душе обида...
Пронесются волны, ржаво гремя...
Ты затонула, как Атлантида,
Республика Ленина, юность моя.

Другая взошла и стоит на сваях,
Всех заверяя, будто все та ж,
Да-да, все та же родина гаек,
Лишь поднялась на верхний этаж.

Стоит на железных протезах страна,
Отчаянно не подавая вида,
Что затонула, как Атлантида,
Республика золотого сна.

1959

* * *

Пропагандой заживо зарыт,
Голос мой гудит из-под земли.
Но напрасно думает завлит,
Что меня метели замели.

Торжествует снежная возня,
Календарь подходит к январю,
Но придет, придет моя весна —
Как вулкан, я золото варю.

1960

* * *

Был у меня гвоздевый быт:
Бывал по шляпку я забит,
А то еще и так бывало —
Меня клещами отрывало.
Но, сокрушаясь о гвозде,
Я не был винтиком нигде.

1960

ЛОЖЬ

Умею врать, но не умею лгать.
Вранье я не считаю преступлением:
Оно обходит съезд, минует пленум,
Не станет резолюций предлагать;
Вранье не знает петель и сетей:
Оно — удел поэтов и детей.

Совсем другое дело, братцы, ложь
Издравле ненавидимая всеми,
Живет она сродни философеме,
Цитатами пронизанная сплошь.
Попробуй расколоть ее на звенья,
Она sluкавит: «Я — мировоззрень!»

1960

* * *

Как я устал от вожakov,
От их тупого лицемерья,
Что медом смазывает перья
Строча декреты для веков...

А мы средь этих декораций
Живем в идейных погребках,
Мечтаем наспех, мыслим вкратце,
Поем с фальшивкой на губах.

И оттого в России сплошь
Ума на тупость переплавка.
Уж лучше бы прямая ложь,
Чем эта наша псевдоправда.

1961

УРОК МУДРОСТИ

Можно делать дело с подлецом.
Никогда подлец не обморочит.
Если только знать, чего он хочет
И всегда стоять к нему лицом.

Можно дело делать с дураком.
Он встречается в различных видах,
Но поставь его средь башковитых,
Дурачок не прыгнет кувырком.

Если даже мальчиком безусым
Это правило соблюдено,
Ни о чем не беспокойся, но —
Н и к о г д а не связывайся с трусом.

Трус бывает тонок и умен,
Совестлив и щепетильно честен,
Но едва блеснет опасность, он —
И подлец, и дурачина вместе.

1961

ГОРЬКИМ СЛОВОМ МОИМ ПОСМЕЮСЯ

«Я еще не решил, нужна ли нам эта тема?»

*Д. Поликарпов,
зав. отделом культуры ЦК*

Пока полуинтеллигентщина
Культуру держит под арестом,
Дай руку мне, товарищ Женщина,
Движением своим прелестным.

Ты для меня сейчас отдушина
В замерзшем нашем океане,
Несешь ли ароматы ужина
Иль белых балов обаянье.

Из всех сокровищ душу выделив,
Ты презираешь всех чиновных,
В твоих глазах превыше идолов
Стоит твой муж или любовник.

Головкой лежа на плече его,
Ты сердце раскрываешь настежь,
И все могущество Кощеево
Своими волосами застишь.

Воспрянь же над кофейной гущею,
Дай руку сладкую от джема,
И мы войдем с тобой в Грядущее,
Моя запретная поэма!

1962

ДВА ЦЕНЗОРА

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
— Ворон! У меня печаль,
Что могу я запрещать?

Ворон ворону в ответ:
— Разумеется, мой свет,
Всего нельзя, но к этому надо стремиться.

1962

ЭПОХА

Коршуны, вороны, кречеты,
Легионы бдительных стай.
А под ними народ засекреченный —
Двести миллионов тайн.

А над ними орлы
рыжие
Бубнят про сегодняшний рай,
Но глаза такие бесстыжие,
Хоть штаны на них надевай.

1963

* * *

Империи были с орлами,
Теперь обходятся без.
Где ты, красный парламент,
Свободных дискуссий блеск?

Сменил их черный порох,
Съела седая ложь,
Царят пауки, о которых
У Маркса не прочтешь.

Для них молочные реки,
Для них кисель-берега.
Огрехи? Чихать на огрехи!
Была б на курке рука.

(А Русь,
в поту перемыта,
Влачит немое житье.)

Коммуна не пирамида:
Рабам не построить ее.

1963

* * *

Однажды черт помре.
(С чертями тоже бывает).
На флейте и на домбре
Народ судьбу воспевает.

Но чертова ребятня,
Похожая на папу,
Нахально средь бела дня
На все налагает лапу.

Выходит — и смерть не в счет?
Когтят и душу, и шмутки.
Не так

страшен
черт,
Как его малютки.

1964

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Синяя папка. Предисловие Льва Озерова</i>	2
Тетрадка	7
Вечный бой	7
«В каком бы часу я ни лег...»	8
Прелюд	8
Быт	9
Шепот	9
Элегия	9
Тайна Парижа	10
Лит-политика	10
«Если не выскажусь, задохнусь!..»	10
«Нас много, одиноких...»	11
Ода правой руке	11
«Мы ликуем...»	11
«Нет! Опаснее! Вещи!..»	12
«Нас приучали думать по ниточке...»	12
И вдруг однажды...	12
«Не говори ты мне, старина...»	13
Сонет	14
В часы бессонницы	14
«О, милая моя среда...»	16
«Нет, я не Дон Жуан...»	16
«Куда ни пойду — преграда...»	17
«Для меня рублишко не задача...»	18
Весна 1956	18
Моя жизнь в искусстве	18
Отчаянье	18
Советская сказочка	19
В ленинско-сталинском мавзолее	20
Баллада XX века	20

Портрет моего современника	21
Союз писателей	21
В минуту отчаяния	21
К поэтам!	22
Мертвый хватает живого	23
Andante	25
«Пропагандой заживо зарыт...»	25
«Был у меня гвоздевый быт...»	25
Ложь	26
«Как я устал от вожаков...»	26
Урок мудрости	26
Горьким словом моим посмеюся	27
Два цензора	28
Эпоха	28
«Империи были с орлами...»	28
«Однажды черт помре...»	29

СЕЛЬВИНСКИЙ Илья Львович

PRO DOMO SUA

Стихи

Редактор О. Н. Х л е б н и к о в

Технический редактор Т. Я. К о в ы н ч е н к о в а.

Сдано в набор 11.10.90. Подписано к печати 26.11.90.
Формат 70 × 108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Усл. кр.-отт. 1,58. Уч.-изд. л. 1,31.
Тираж 146 000 экз. Зак. № 2921. Цена 10 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

РАСЧЕТНЫЙ ЧЕК СБЕРЕГАТЕЛЬНОГО БАНКА СССР

● Расчетным чеком удобно оплатить в магазинах разовые дорогостоящие товары.

● Владелец расчетного чека может также получить по нему наличные деньги в любом Сберегательном банке страны.

● Чек является именным денежным документом и выдается учреждением Сберегательного банка СССР на сумму от 100 до 10 000 рублей. Чек выдается за счет средств, хранящихся на вкладе или внесенных в банк наличными деньгами.

● Чек удобен при расчетах за товары и услуги, а также при хранении денег в пути.

Сберегательный банк к Вашим услугам!